МИРОВАЯ КЛАССИКА

Ю. НАГИБИН

По пути в бессмертие

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Французский романист Эрве Базен не однажды выражал желание встретиться с советским писателем…

- Юрий Нагибин
  - ○

Юрий Нагибин
Неуловимый Базен

— Хотите встретиться с Эрве Базеном? — спросила меня известная переводчица во время одного из съездов Союза писателей.

— Хочу, конечно. А он хочет?

— Мечтает, — хладнокровно ответила переводчица.

Я ни на мгновение не поверил ей. Но незамутненная бирюза ее глаз помогла мне сыграть с самим собой в безобидную игру: меня переводили на французский, что-то попалось Эрве Базену, он прочел, восхитился, пожалел о даром прожитых годах и со слезами умолил переводчицу помочь ему встретиться со мной.

Усмехнувшись — переводчица не поняла моей усмешки, но на всякий случай напустила в бирюзу радужек еще больше света и прозрачности, — я спросил:

— А за город он поедет?

— Именно этого он хочет.

Я понял, что этого хотела переводчица. Ей нужно было как-то развлекать знатного гостя, доверенного ее попечению, а Центральный Дом литераторов со всеми масонскими легендами, стилем Тюдор, однообразной едой и одними и теми же лицами ему осточертел, равно как и соблазны гостиницы «Россия», где он останавливается в каждый приезд, все стоящие театры на гастролях, в «Арагви» и «Узбекистан» его не затащишь — город изнемогает от зноя, восточная же кухня с ее пряными ароматами и вкусно-тяжелой едой в жару труднопереносима, а на берегу Десны подмосковной — благодать, свежий, пахнущий хвойным воском и нагретым березовым листом воздух, цветы, шелковая трава, тишина, нарушаемая лишь подвывом реактивных самолетов с Внуковского аэродрома, но это как бы соединилось с жизнью природы, подобно рокоту далекой грозы или шмелиному гуду. Она сумела внушить Базену, что ему хочется ко мне поехать. Впрочем, по собственному опыту знаю, насколько интересно, находясь за границей, бывать в частных домах. Это единственный способ приблизиться к жизни туземцев, что-то понять в их быте и нравах. Рестораны, гостиницы, банкетные залы, хоромы симпозиумов, комнаты совещаний — все публичное и официальное не только не помогает ощутить страну, напротив, удаляет от нее. А Эрве Базен не просто путешественник, а писатель-человек, которому хочется все знать, к тому же писатель, приверженный к быту.

Я понимал также, что для чужеземца самое неинтересное, даже докучное во время таких визитов — это хозяева. Какое-нибудь кресло, предмет старины, техническая новинка, охотничье ружье на стене, гравюра, фотография, напольные часы, пепельница или же вид из окна неизмеримо больше привлекают путника, нежели гостеприимные фигуры, оживляющие пейзаж и интерьер. Я знал все это и тем не менее искренне радовался приезду Базена, ведь я тоже писатель, и автор «Семьи Резо» привлекал меня независимо от того, питает ли он ко мне ответный интерес. Я часто подмечал у знакомых литераторов одну общую черту: человек становится им интересен и мил, если он их читал, мне же это почти, чтобы не сказать совсем, безразлично, — новый человек притягивает меня тем, что он сам производит, будь то литература, искусство, мысли или очарование хорошей души.

— Привозите Базена, — сказал я.

— А вы — готовьте кавиар, — отозвалась переводчица.

Я заготовил кавиар, много кавиара, но Базен не приехал. Неожиданно, еще до конца съезда, ему пришлось вернуться в Париж по каким-то домашним обстоятельствам.

Я мужественно пережил разочарование, тем более что кавиар пригодился для другого члена Гонкуровской академии (президентом которой является Эрве Базен), известного и много печатавшегося у нас писателя Бернара Клавеля. Влюбившись в фильм «Дерсу Узала», он обратился ко мне с лестным предложением — экранизировать его роман о французских речниках. Я сказал, что никогда не пишу сценариев по чужим произведениям, этнографический роман Арсеньева — исключение, мне хотелось поработать с великим режиссером Куросавой (если только кинорежиссер может быть великим). Помимо того, роман о речниках у нас не переводился. Да и не верится, что наше киноруководство пойдет на совместную постановку картины чисто французской, не имеющей ни малейшего касательства ни к российской, ни к советской действительности.

Мне было тяжело отказать Бернару Клавелю в его просьбе не только потому, что он хороший писатель, но ведь на нем лежал отсвет его соотечественника, друга и коллеги по академии — Эрве Базена! Я спросил Клавеля, где сейчас Базен.

— В своем замке, наверное.

— У него есть замок?

— Конечно! Каждый французский буржуа мечтает о замке. И как только оказываются средства, приобретает замок. И даже живет там. В отличие от старой французской знати,

предпочитающей сырости и затхлости родовых обиталищ кондиционированный воздух современных квартир.

Трудно было представить Базена, столь современного каждой строкой, в образе феодала. Наверное, замок окружен рвом с тухлой водой и опускается с ржавым скрежетом подъемный мост, когда закованный в латы Эрве Базен на тяжелом, тоже в железах, коне возвращается из похода в издательство или Гонкуровскую академию.

Я интересовал Бернара Клавеля лишь как сценарист, у меня не было и такой малой корысти. Я знал, что не буду о нем писать, хотя в ту пору упоенно строчил литературные портреты прославленных современников, но я выбирал лишь тех, чье творчество мне близко и дорого, а этих чувств я не испытывал к очень добросовестным, прогрессивным, гуманным и скучным романам Бернара Клавеля. Большого разговора у нас не получилось. Едок и питух Клавель никакой, застолье — не его стихия. Мы потратили время в основном на фотографирование — нас общелкал со всех сторон сын Клавеля — начинающий и очень одаренный фотограф, и на подписывание книжек друг другу — «с искренним уважением и приязнью».

Прошло сколько-то времени, и вновь, покинув свой замок, сменив панцирь на элегантный парижский костюм и оперенный шлем на фетровую шляпу, Эрве Базен прибыл в Москву. Уж не помню, какое тогда происходило торжество, но хорошо помню, как, лучась бирюзовым взглядом, переводчица сообщила, что Базен вспомнил о давнем приглашении и рвется в мою загородную «резиденцию». Видно, опять с развлечениями пресыщенного академика обстояло неважно, если моя халупа стала «резиденцией». Но снова визит не состоялся. То ли какой-то официальный прием пал на этот день, то ли экскурсия в Ясную Поляну или Суздаль, словом, Базен был занят. У меня нет никаких оснований подозревать переводчицу в беспочвенных выдумках. Мы старые друзья, и наша дружба проверена испытаниями.

Когда «Иностранная литература» предложила мне написать по собственному выбору о ком-либо из современных западных писателей то смутное по жанру, что называют красивым и отвратительным словом «эссе», я не колеблясь остановил выбор на Базене. Вот это маленькое сочинение.

НЕМНОГО О БАЗЕНЕ

Эрве Базен — один из самых взысканных признанием и

почестями писателей современной Франции. Он президент академии Гонкуров, лауреат многих литературных премий: Аполлинера, Романской прессы и прочая, прочая. Но, по чести, для меня куда больше значит, что он превосходный ремесленник литературного цеха. Слово «ремесленник» применено здесь в его средневековом — высшем и гордом, а не нынешнем — уничижительном смысле. Мне не привелось встретиться с Эрве Базеном, хотя он не раз бывал в нашей стране, а немногочисленные, и плохие к тому же, фотографии ничуть не помогают представить его образ, кажущийся мне сложным, противоречивым при настойчивом и каком-то насильственном стремлении к порядку, простоте, основательности, что с годами все сильнее проступает в романном творчестве Базена. Я не верю, что внешность человека выдающегося может быть до конца нейтральна к его сути. Мне доводилось читать и слышать о заурядности, буржуазности, тусклой добропорядочности облика ряда крупных писателей наших дней и недалекого прошлого. Я жадно вглядывался в их портреты и фотографии и рано или поздно то в зрачках, то в улыбке, то в складках рта, то в морщинах, избороздивших плоскость лба, то в печальных тенях подглазий обнаруживал нечто такое, что возносило лицо, делало его драгоценным. И нельзя поверить в спокойного и очень довольного собой Базена его привычных изображений. Такой Базен еще мог бы создать «Супружескую жизнь», но никогда не создал бы трилогии «Семья Резо» и уж подавно — «Встань и иди». Убежден, что еще прочитаю в его чертах тайный знак того воодушевления, которым рождено «Встань и иди», — не звучало в западной литературе последних десятилетий столь щемящей ноты.

В этом небольшом романе, по-нашему повести, сверкают крупицы — страшно произнести слово «гениальность», но нет иного понятия для обозначения той высшей одухотворенности художника, когда на творении его — свет божий. В истории обезножевшей и медленно умирающей девушки, сумевшей из бедных останков собственной тающей жизни построить счастье других людей, заложена такая прекрасная, такая гуманная, да что там — святая мысль, что хочется снять шляпу перед писателем, чья душа выносила столь чистый, светлый, высокий образ добра.

Подобно многим моим соотечественникам, я узнал и полюбил Эрве Базена по его романам, составившим трилогию «Семья Резо». Но как ни хороши эти романы с поистине эпическим образом Грозной Матери, меня не оставляло подозрение, что Эрве Базен пахал тут по пару Мориака и что обостренность чувства, пронизывающего эти романы, порождена

скорее литературной традицией, нежели мировосприятием автора, ведь во всех других произведениях (оставим в стороне «Встань и иди») Базен куда спокойнее, рассудительнее, объективнее. Но наверное, я ошибаюсь, и острота трилогии — от едкой памяти детства, сохранившей боль и жгучую обиду оскорбленной юной души.

В последующих произведениях, также посвященных семейным проблемам, — видимо, это область главных интересов Эрве Базена, — он все более и более становится хладнокровным аналитиком: ни пристрастия, ни гнев, ни чрезмерная любовь, ни художественный каприз, ни своеволие раскованной творческой личности не нарушают размеренного, последовательного, продуманного и точного, как урок анатомии, исследования того или иного аспекта семейной жизни, будь то чужой ребенок, супружеская измена, развод и т. п.

Базен так убежден в серьезности, доброкачественности, равно и в нужности людям своей почти научной работы, что не старается быть занимательным, ярким, обаятельным, изящным, искрящимся — все те эпитеты, которые обычно прилагаются к талантливой французской прозе, включая прозу самого Базена более раннего периода, отпадают, когда речь идет о его последних романах. Тут уместны другие слова, более употребительные в науке: скрупулезность, выверенность, добросовестность, исчерпанность. Базен ничуть не стремится увлечь читателя. «Супружеская жизнь» откровенно, даже вызывающе скучна, не блещет занимательностью, и последний из опубликованных у нас романов — «Анатомия одного развода». И все-таки это настоящая литература (особенно второй роман), которая останется, в то время как многие произведения, вызвавшие шумный восторг современников, не пережили своих создателей. Попробуйте перечитать некогда скандально знаменитые романы Андре Жида «Имморалист» и «Фальшивомонетчики» — до чего же наивно, до чего пусто и ненужно!

Эрве Базен, конечно, очень привязан к миру, который изображает: для него поэтична и значительна тут каждая малость, он не скупится на подробности и никуда не спешит, подвергая жестокому испытанию долготерпения читателя. Читаешь «Анатомию одного развода» и думаешь: Господи, жизнь так коротка, а Эрве Базен так длинен! — и если не бросаешь чтения, так лишь из доверия и пиетета к создателю семейной хроники Резо и образа волшебной калечки. И терпение твое вознаграждается, ибо в замедленном повествовании с тьмой одуряющих подробностей обрисовывается постепенно и наконец

предстает жгучей явью удивительнейшая фигура брошенной жены Алины Давермель, в девичестве Ребюсто.

Конечно, лишь окончательная зрелость души и таланта способна создать такой сложный и сильный образ. Внешне да и внутренне непривлекательная, раздражающая до зубовного скрежета, Алина в конце концов растопляет ваше сердце каким-то последним прозрением о горестной и милой человеческой сути. Спокойно и неумолимо ведет Эрве Базен свою жалкую героиню по всем кругам житейского ада, заставляет ее пройти все виды унижения, совершить все допустимые и недопустимые глупости, оплошности, нелепости, потерять все, что только можно потерять, стать полукалекой и безжалостно лишает ее даже малого реванша. Но реванш этот неожиданно происходит в сердце читателя. Нет, ты не берешь ее сторону, но вдруг открываешь в ней свою бедную сестру в человечестве. И она становится ближе тебе, чем ее корректный, преуспевающий и вроде бы во всем правый муж. Ее незащищенность — это твоя незащищенность, ее слабость — твоя слабость, ее неравная борьба — твоя борьба.

Не знаю, рассчитывал ли Эрве Базен заранее на тот страшный эффект, которого достигает роман в изображении долгой и мучительной тяжбы между супругами Давермель. Поначалу удивляешься с оттенком почтительности все предусматривающей — до изощренности — законодательной и процессуальной системе «развода по-французски». Здесь оговорен каждый шаг, учтены все варианты поведения сторон, малейшие отклонения от буквы закона. Разведенные супруги и дети их стиснуты железными обручами устоявшихся во времени, всепроникающих, не оставляющих никаких щелей, точных и ясных предписаний закона. Но не восхищение, а какой-то душный ужас охватывает тебя под конец романа перед чудовищной, бессердечной, уничтожающей человеческое в человеке машиной буржуазного правосудия. Закон вынуждает участников семейной драмы жертвовать теми хрупкими, но бесконечно важными душевными и нравственными ценностями, которые уже никогда не восстановятся. И проигравшие, и выигравшие несут почти равный моральный ущерб. В этой горькой правде — сила романа Эрве Базена. И в жалко-гадко-величественном образе мадам Давермель-Ребюсто, павшей в безнадежной борьбе за то высшее, не сформулированное в сводах законов и не гарантированное ими женское право, куда более важное, нежели сохранение семьи и неверного мужа. Вот что подымает «Анатомию одного развода» над традиционным французским семейным романом.

«Эссе» было перепечатано журналом «Lettres Sovietiques», я

получил авторские экземпляры и по счастливому стечению обстоятельств почти тут же отправился на три месяца в Париж — частное приглашение. Глядишь, в замок пригласят — загремят ржавые цепи, медленно опустится мост из толстых бревен, сбитых железными скобами, и я ступлю во владения рыцаря Базена!..

В Париж я попал в интересное, острое и крайне тревожное время: шли выборы в Национальное собрание, и в предварительных турах верх взяли коммунисты. Теперь все зависит от третьего, заключительного тура. Или к власти приходит коммунистическая партия и начинается новая эпоха в жизни Франции, или все останется по-прежнему — и буржуа могут спать спокойно, во всяком случае, до следующих выборов.

По чести, я слабо разбирался в происходящем — незнание языка делало недоступными все средства массовой информации, а мои милые хозяева отличались редкой в наши дни политической наивностью. В своем невинном прекраснодушии они тихо радовались победе Марше, в которой не сомневались, и считали, что все окружающие разделяют их чувства. Но пожалуй, их больше волновали ставки, которые они делали каждую неделю в тотализаторе: темная лошадка, взяв первый приз, могла скорее разрешить все материальные трудности, нежели сложный процесс социальных преобразований. Правда, к ним иногда захаживали радикально настроенные друзья, в том числе чернобородый, симпатичный и умный молодой инженер Жак, член Французской компартии. От него я узнал, что все обстоит не так просто: перед лицом реальной угрозы лишиться власти буржуазные партии забудут все раздоры, противоречия и объединятся, чтобы осилить коммунистов. К тому же неясно, как поведет себя социалист Миттеран, — словом, борьба впереди.

Жак рассказывал о панике, царящей среди крупной и средней буржуазии и постепенно распространяющейся на буржуазное мелководье: капиталы переводятся в Швейцарию, Бельгию, Голландию, за океан, биржу лихорадит, франк падает, многие компании и фирмы горят — нет заказов, сворачивается производство, остановилось всякое частное строительство, упали цены на квартиры в фешенебельных районах, а замок вскоре можно будет купить на блошином рынке. И хотя нет ни волнений, ни демонстраций, в воздухе пахнет грозой.

Со стороны, к тому же в речевом вакууме, этому трудно было поверить: жизнь шла своим чередом, все так же нескончаем поток машин на улицах, так же полны кафе на Елисейских полях и кольце Больших бульваров, битком набиты рестораны Монпарнаса, бистро Латинского квартала и Монмартра, сияют витрины драгоценной улицы Сент-Оноре, безумствуют огни

реклам, соблазнительные афиши зазывают в Мулен-Руж, Фоли-Бержер, Лидо, Крези-Хорс; в Помпиду-центре — грандиозная выставка Казимира Малевича, в Новом музее — импрессионисты из частных собраний, в Комеди-франсез — премьера, в кино — гомерически смешная и непристойная «Дочь стрелочника», новые фильмы с вампиром Дракулой и «Флеш-Гордон» — космическое путешествие на звезду «Секс»; жене похищенного миллионера барона Ампе прислали сустав пальца мужа — тонкий намек, что он еще жив и может вернуться домой, если не тянуть с выкупом (доверчивые похитители не представляли себе выдержки несчастной женщины и ловкости полиции, которой нужна была лишь малая зацепка), — словом, жизнь била ключом, но все это на поверхности, а в глубине вершила свои дела обузданная расчетом и волей ярость власть имущих, намертво вклещившихся в эту власть.

Но по-настоящему все это открылось мне позже, когда выборы остались позади и жизнь начала входить в прежнюю колею.

Погода была тревожной и в политическом, и в геодезическом смысле: весна никак не налаживалась — дожди со снегом, промозглый ветер, тяжкий для дыхания влажный воздух, пониженное атмосферное давление. Я почувствовал, что скисаю, и, дабы взбодриться, решил осуществить свое заветное желание — найти Базена. Но как за это взяться? Я не знал ни его адреса, ни телефона, справочное бюро хранит покой великих, а мои хозяева были бесконечно далеки от литературного мира. В издательстве «Галлимар», пожелавшем меня видеть в связи с выходом моего сборника «Чистые пруды», замороженный вежливо-ледяным обращением, я не решился спросить о Базене. И тут нежданно-негаданно на моем пути появился сказочный человек: волосы что спелая пшеница, бронзовое лицо, испещренное под слоем загара, если внимательно приглядеться, россыпью веснушек, прозрачно-зеленые глаза и белые, как кипень, зубы. Был этот человек как праздник: яркий, улыбчивый, лучащийся добротой, но не беззащитный, как часто бывает с такими людьми, а прочный и сильный.

Звали его редким именем Евлампий, он был корреспондентом по Франции одной из наших центральных газет. Он узнал от общих знакомых, что я томлюсь в Париже, точнее, под Парижем, разыскал по головоломному адресу и предложил свою помощь. Я уже говорил, что он был — как из сказки, а этот жанр обладает своими законами. Если тебе нужна Жар-птица, то начинай с одного огнистого пера… К тому же мои парижские интересы не замыкались на Базене, и я попросил отвезти меня на

могилу Бунина. Не откладывая дела в долгий ящик, мы тут же отправились на машине Евлампия, которую он водит, как Ники Лауда, на кладбище Сент-Женевьев де Буа, километрах в тридцати от Парижа.

Поклонились мы могиле лучшего русского рассказчика, положили по цветку к подножию странного, будто мальтийского креста, постояли и вернулись к машине. Евлампий открыл портфель, достал бутылку красного вина «Божеле», пластмассовые стаканчики, наполнил их.

— За Ивана Алексеевича Бунина! — сказал он.

Я уже не сомневался, что передо мной — человек сердца, к нему можно обратиться с любой просьбой, он не откажет.

И я попросил Евлампия отыскать Эрве Базена и свести меня с ним.

— Разыскивать Базена нечего, он завтра будет в Париже. Мы давно знакомы, и у нас одно любимое кафе.

С легким удивлением я заметил, что Евлампий не отозвался на мою просьбу, ограничившись информацией о перемещении Базена в пространстве.

Очевидно, надо было обосновать свои претензии на знакомство с президентом Гонкуровской академии.

— Мы лишь случайно не встретились в Москве. Он дважды собирался ко мне за город, но всякий раз что-то мешало. Недавно вышла моя статья о нем — по-французски.

— Вы взяли ее с собой? — быстро спросил Евлампий.

— Конечно!

— Дайте ее мне. Это лучшая визитная карточка. А как вы думаете, помнит он вас?

— По моему представлению о писательской памяти — должен помнить.

— Вы хоть не ругаете его?

— Превозношу до небес!

— Ну, тогда дело в шляпе, — сказал Евлампий и — как в воду канул.

Я не был на него в претензии: приближался третий, решающий тур выборов, дело заваривалось круто, и Евлампий был занят сверх головы. Наконец напряжение разрядилось. Буржуазные партии сманеврировали и с незначительным перевесом одержали победу.

Евлампий явился разочарованный результатами выборов, но с оливковой ветвью в руке: Базен готов встретиться со мной в своем кафе, несмотря на загруженность академическими делами.

— Даже статьи не понадобилось, — сказал Евлампий. — Я так замотался, что не помню, куда ее сунул. — И он торжественно

назвал дату встречи.

Как раз утром этого дня мы с женой уезжали машиной на юг. Изменить что-либо было не в наших силах…

Досадная неудача. Но я сказал себе: разве любя, и читая, и перечитывая книги Эрве Базена, я не встречаюсь с ним — стоит лишь захотеть? И над этим, самым важным, общением не властны никакие обстоятельства.